

⁴⁴ Так вслед за Т. Моммзеном полагает А. Нагль (см.: Nagl A. Op. cit. Sp. 2538).

⁴⁵ См.: Kaegi W. E. Byzantium... P. 50.

⁴⁶ См.: Stein E. Op. cit. P. 19. Известно, что какие-то восточные вельможи участвовали в мятеже, за что впоследствии были наказаны Зином (Procop. De aed. III. 1. 24). Обращение за помощью к персам, возможно, исходило лишь от части сторонников Илла. Известно, что после отправки Зином в Исаврию войска Иоанна Скифа мятежники хотели уйти из Антиохии за Евфрат (Иешу Стилит. § 16. С. 133). Дело в том, что хотя правительство Ирана в условиях обострения внутреннего социально-политического кризиса искало дружбы с Византией (см.: Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннее средневековье. М.; Л., 1956. С. 293), оно поддерживало некоторых оппозиционеров в Византии. В то же время часть провинциальной знати восточных провинций империи, видя в персах перманентную опасность, не могла разделять подобной политики Илла. Возможно, ориентация Илла на персов сыграла роль в неприятии его жителями Эдессы (Иешу Стилит. § 16. С. 133).

⁴⁷ Отряды федератов во главе с Теодорихом Амалом, посланные Зином против мятежников, уже пройдя Никомедию, были отозваны, так как императору «пришла мысль, что он (Теодорих.— А. К.) мог бы быть неверен» (Ioann. Ant. Fragn. 214.4). См.: Wolfram H. Op. cit. S. 345.

⁴⁸ См.: Козлов А. С. Основные направления политической оппозиции правительству Византии в первой половине V в. С. 25—27.

⁴⁹ См.: Stein E. Op. cit. P. 31 sq.

⁵⁰ См.: Сюзюмов М. Я. Внутренняя и внешняя политика Византии и народные движения во второй половине V в. // История Византии. Т. 1. С. 208.

⁵¹ В списках «Хроники» Малалы присутствуют сведения, что Юстаса «убил многих» (Excerpta. P. 362. 25), а также — «он убил многих христиан» (Malal. P. 382. 12—14). Сообщение «Пасхальной хроники» ближе «Эксерптам»: «И многих убил он, имея гегемонию над Палестиной» (Chron. Pasch. P. 603. 22—604. 1). Хотя греческие источники называют Юстаса «предводителем разбойников», которого самаритяне «увенчали» (Malal. P. 382. 11; Excerpta. P. 163. 23; Chron. Pasch. P. 603. 20—21), принимать это сообщение буквально нет оснований, так как оно восходит фактически только к Малале.

⁵² См.: Jones A. H. M. The Later Roman Empire (284—602): A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964. Vol. 2. P. 945—946.

⁵³ См.: Дьяконов А. П. Византийские димы и факции (ta mere) в V—VII вв. // Византийский сборник. М.; Л., 1945. С. 199.

⁵⁴ См.: Cameron Al. Circus Factions: Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxford, 1976. P. 183.

⁵⁵ См.: Stein E. Op. cit. P. 30.

⁵⁶ Следует отметить характеристику Г. Л. Курбатовым рассматриваемого периода: «Конец V — начало VI в. были в какой-то мере временем, когда в ранней Византии закончилась стадия относительного позднеантичного подъема. Ранняя Византия не находилась на пути медленной трансформации в феодальное общество, она находилась на пороге последнего кризиса античного» (Курбатов Г. Л. История Византии: От античности к феодализму. М., 1984. С. 50).

В. П. СТЕПАНЕНКО
Уральский университет

ГРАФ И ИШХАНЫ ЭДЕССЫ **(конец XI — первая половина XII в.)**

Вопрос о характере отношения христианского населения Ближнего Востока в целом и армянского в частности к кресто-

носцам был впервые поставлен и разрешен еще в середине XIX в. известным французским востоковедом Э. Дюлорье, издавшим в 1856 г. французский перевод «Хронографии» современника первого крестового похода, монаха, армянина из Эдессы (арм. Урха) Маттэоса Урхайеци. Отметив, что хронист враждебен по отношению и к Византии, и к сельджукам, Э. Дюлорье заявил, что «армяне приветствуют прибытие мстителей униженного креста ... мчатся им навстречу и разделяют с ними все превратности войны»¹. В ущерб истине историк явно преувеличил значение тех элементов повествования Урхайеци, где, как ему казалось, автор выражает настроения своих соотечественников, видевших в крестоносцах освободителей от ига «неверных» и поэтому ставших естественными союзниками завоевателей.

Точка зрения Дюлорье впоследствии оказала значительное влияние на западноевропейскую и американскую историографию крестовых походов. Так, известный английский исследователь С. Рэнсимен в докладе на X Всемирном конгрессе историков в Риме (1955) заявил, что «армяне оставались единственным народом византийской сферы влияния, который рассматривал крестовый поход как святую войну, а крестоносцев как таковых, по крайней мере, во время их первой экспедиции, как ведомых и вдохновляемых богом»².

Р. Груссе, чья монография по истории крестовых походов до сих пор остается одним из наиболее фундаментальных исследований по данной проблематике, также при рассмотрении данного вопроса исходил из теории «единения истинноверующих в борьбе с неверными». Бодуэн Фландрский, будущий граф Эдессы, показан Р. Груссе как идеалист, после первого же знакомства с армянами возмечтавший о создании франко-армянского государства на Ближнем Востоке и посвятивший реализации этой благородной миссии всю свою последующую деятельность. Именно с точки зрения естественного конфессионального единения христиан рассматривает Р. Груссе образование графства Эдесского, полагая, что после переворота в марте 1098 г. здесь «произошла лишь трансформация армянского государства во франко-армянское»³. Характеризуя второго графа Эдессы Бодуэна Буржского (1100—1118), исследователь пишет, что граф «покровительствовал армянам против тюрок и добыл первым славные победы над вторыми»⁴. Даже брак Бодуэна с дочерью правителя Мелитены армянина-халкедонита Гавриила был заключен, по мнению Р. Груссе, лишь для того, «чтобы упрочить союз франкской расы и восточных христиан»⁵.

Р. Груссе, С. Рэнсимен отмечают освободительный характер миссии крестоносцев на востоке в отношении христианского населения региона. Английский исследователь пишет: «Армяне долго надеялись получить помощь с запада... Западные союзники казались более привлекательными для них, даже для кня-

зей, которые имели византийские титулы, чем все то, что могло увеличить их зависимость от ненавистой империи»⁶. «Появление христианской армии,— продолжает он,— на самих их границах дало им возможность, о которой они молили, раз и навсегда утвердить свою независимость как от турецкого ига, так и от византийского господства»⁷.

В то же время ряд исследователей пытался отойти от теории естественного, основанного на конфессиональной близости союза крестоносцев и христианского населения Ближнего Востока. В 20-е гг. Ж. Лоран четко поставил вопрос о том, в какой степени реальная политическая ситуация на Ближнем Востоке накануне появления здесь крестоносцев предопределила дружеское в целом отношение к ним армянского населения принадлежавших ранее Византии восточных фем⁸. Позже А. Людерс на основании данных сирийских, армянских источников сделала попытку проследить эволюцию отношения армянского населения Сирии и Месопотамии к западному рыцарству от союзнических, по ее мнению, в период образования государств крестоносцев до резко враждебных к моменту падения Эдессы⁹.

В советской историографии существуют две априорные и в то же время диаметрально противоположные точки зрения на данный вопрос. Г. Г. Микаелян полагал, что одной из причин успеха крестоносцев при захвате ими городов Равнинной Киликии были «симпатии армян, которые к концу XI в. составляли значительный слой населения этой страны», ибо они «еще не знали истинных целей последних»¹⁰. Данная точка зрения вызвала резкую критику М. А. Заборова, полагавшего, что подобно буржуазным исследователям Г. Г. Микаелян «рассматривает армянское население классово недифференцированно, изображая «армян вообще» в качестве некой религиозно единой массы, которая целиком поддерживала крестоносцев как своих единоверцев»¹¹. К сожалению, в последней работе М. А. Заборова при сохранении тезиса о резко враждебных отношениях крестоносцев и армянского населения Эдессы последнее рассматривается все так же классово недифференцированно, а причины его недовольства франками сводятся к грабегам и вымогательствам последних¹². Наконец, Г. Дмитриев в рецензии на книгу А. Людерс высказал тезис (ранее сформулированный Ж. Лораном) о том, что «перемены в отношении местного населения к латинскому господству были связаны в первую очередь с особенностями введенного им податного обложения и установленными ими порядками. Отмеченная некоторыми историками поддержка крестоносцев в первом походе обуславливалась недовольством турецким господством. Именно неоднократно отмечавшиеся армянскими хронистами репрессии и непомерные поборы времени латинского господства были, несомненно, основной причиной недовольства местного населения франками, которых оно первоначально поддерживало в большей степени»¹³.

Не претендуя на решение данного вопроса в целом (для этого пришлось бы рассматривать взаимоотношения с крестоносцами армянского и сирийского клира, армянских князей, городского населения), попытаемся рассмотреть отношение к крестоносцам лишь населения Эдессы, ставшей столицей первого государства пришельцев с запада — графства Эдесского. Следует отметить, что данные источников почти ничего не дают для реконструкции социальной стратификации населения города, сообщая лишь о том, что среди горожан были «большие» и «малые», а во главе города стоял совет 12 ишханов, старших городских префектов, сенаторов. Именно его отношения с графами Эдессы отрывочно и освещают хронисты. Следует особо подчеркнуть, что все без исключения источники, написанные современниками первого крестового похода, будь то латиняне-франки, сирийцы, армяне или арабские хронисты, достаточно тенденциозны.

Вопрос о степени достоверности источников вызвал в свое время полемику между Г. Дмитриевым и М. А. Заборовым. Так, сопоставляя описания переворота в марте 1098 г. в Эдессе, приведшего к власти Бодуэна Фландрского, содержащиеся в «Хронографии» очевидца событий Маттэоса Урхайеци и более позднего сирийского хрониста (1172), митрополита Эдессы Василия Бар Шумана (у Забокова ошибочно — Барсега Урхайеци), труд которого включен в еще более позднюю хронику Михаила Сирийца, М. А. Заборов отмечает, что антифранкские настроения последнего автора проявляются явственнее, чем у Маттэоса. «И даже если допустить, что Урхайеци несколько смягчил конкретные обстоятельства соучастия Бодуэна в убийстве куропалата Тороса, чего не сделал Барсег, не являвшийся подданным графства Эдесского, то имеются все основания считать показания Матвея Эдесского, вообще хорошо осведомленного относительно политической истории Киликии, более близкими к истине, нежели свидетельства западных историков»¹⁴.

Г. Дмитриев полагал, что «армянские авторы восхищались подвигами крестоносцев. В то же время отрицательные мнения о них, критические оценки их деятельности и их разоблачения в армянских источниках можно найти на многих страницах»¹⁵. Казалось бы, армянские хронисты в целом и Маттэос Урхайеци в частности должны более адекватно отражать в своих хрониках отношения армянского населения Ближнего Востока к крестоносцам. Однако при более близком знакомстве с трудом Урхайеци такое впечатление отнюдь не складывается. Так, переворот в марте 1098 г. в Эдессе описан более четко и с освещением роли в нем совета 12 сенаторов города анонимным рыцарем из окружения Бодуэна Фландрского, труд которого позже переработал Альберт Ахенский. О заговоре сенаторов против графа в ноябре того же года армянский хронист умолчал вообще¹⁶.

Наконец, заговор 1112 г. против второго графа Эдессы Бодуэна Буржского с целью сдачи города атабеку Мосула Маудуду описан Маттэосом предельно осторожно: ни социальное положение, ни этническая принадлежность заговорщиков не определены, хотя они явно хорошо были известны хронисту. И если бы не подробнейшее описание заговора в труде сирийского Анонима 1234 г., несомненно восходящее к современнику, а возможно, и свидетелю событий, мы никогда бы не узнали, что заговор был организован армянами — жителями Эдессы.

Таким образом, и Маттэос Урхайеци тенденциозен. Он достаточно подробно описывает внешнеполитическую деятельность графов Эдессы, не питая к ним особых симпатий, но, живя в Эдессе, дает ничтожно малую информацию о положении в городе в период господства крестоносцев. И если свое молчание о репрессиях последних он объясняет: «Я желал описать их многочисленные преступления, но не осмелился, ибо мы живем под их властью»¹⁷, то чем объяснить его молчание о внутриполитических событиях в Эдессе?

Как известно, вследствие переворота в Эдессе в марте 1098 г. и убийства правителя города куропалата Тороса заговорщики-сенаторы, старшие городские префекты, ишханы, как называют их латинские и армянский хронисты, передали цитадель графу Бодуэну Фландрскому. Граф получил власть из рук сенаторов, «составлявших совет, который заведовал всеми делами страны»¹⁸. И власть эта была сведена к функциям главы городского ополчения и приведенного им отряда рыцарей. Получив цитадель, Бодуэн стал очередным правителем Эдессы, тогда как вся полнота власти осталась в руках совета 12, рассчитывавшего сохранять ее и далее.

С марта 1098 г. в Эдессе складывается неустойчивое равновесие сил, которое постепенно было нарушено в пользу графа. Он был нужен ишханам, так как отряд графа показал свои боевые качества во время похода против ближайшего и наиболее опасного из соседей Эдессы — эмира Самосаты. Эмир «принудил угрозами выдать ему в заложники множество сыновей знатных граждан для обеспечения уплаты налогов и податей бюзантами, которые были выплачиваемы жителями за их виноградники и жатвы»¹⁹. Городское ополчение Эдессы потерпело поражение, бросившись грабить пригороды Самосаты. Возможно, это дало основание информатору Альберта Ахенского написать, что «огромное число тех женоподобных армян, которые дрались трусливо и вяло, было сражено»²⁰. Пятьдесят лет спустя Гийом Тирский охарактеризовал армян Эдессы как «народ невоинственный, ничего не понимавший в военном деле и преданный исключительно торговле»²¹. В этих условиях отряд Бодуэна Фландрского, в конечном счете и обеспечивший успех самосатской экспедиции, был единственной реальной силой, способной защитить Эдессу от опасности извне, гарантировав совету 12

«защиту земли от набегов тюрок, которые опустошали ее беспрестанно». Именно это явилось причиной того, что совет предложил графу «участие в верховной власти, доходах и податях, которыми пользовался владетель», затем, после убийства куропалата Тороса, граф получил «участие во власти и в управлении городом», так как отказался от предложенного ему ранее статуса наемника²².

Сенаторы Эдессы, предполагавшие поставить под свой контроль Бодуэна Фландрского, просчитались. В отличие от Тороса, граф к моменту появления в Эдессе уже был владельцем сданных ему населением соседних Тель Башира, Равендана, Айн-таба. Вскоре он поставил под свой контроль Самосату и отвоевал у Атукида Балака ибн Бахрама Серудж²³. Сюзеренитет Бодуэна признал бывший ранее вассалом Эдессы князь расположенной на Евфрате выше Самосаты крепости Каркар Константин, принявший участие как в самосатской экспедиции, так и в свержении Тороса²⁴. Так постепенно правитель Эдессы с санкции совета 12 превращался в феодального владельца сданных ему или отвоеванных им у сельджуков соседних городов и крепостей. Это не могло не насторожить армянских владетелей Приевфратья.

Предельно показательна в этой связи реакция князя Баграта и его брата, владельца крупнейшего из армянских княжеств данного региона Василя Гоха. Баграт был проводником отряда Бодуэна Фландрского от Никеи через Малую Азию к Приевфратью. Именно с его влиянием связывают исследователи стремление графа создать франко-армянское государство в Киликии, а затем — в Приевфратье²⁵. Но уже переворот в Эдессе и получение Бодуэном поста правителя города вызвали резко отрицательную реакцию Баграта, хотя ранее, в конце 1097 — начале 1098 г., он получил от графа сданный последнему армянским населением Равендан²⁶. Казалось бы, причин для недовольства у князя не было. Тем не менее во время осады крестоносцами Антиохии, но после водворения Бодуэна в Эдессу (март — июнь, 1098), Василь Гох и Баграт организовали ограбление «послов от графа Эдессы, которые везли дары для его брата (Готфрида Бульонского.— В. С.), когда тот был занят осадой Антиохии. Эти дары, предназначенные герцогу, они послали Боэмунду, чтобы завоевать его расположение против графа Эдессы»²⁷. После завершения осады это привело к нападению войск Готфрида Бульонского на владения Гоха. В августе 1098 г. герцог направил против них отряд из 50 рыцарей «с людьми всей области, которые с силой вторглись в их крепости и силой оружия сравнивали их с землей»²⁸.

Все это весьма далеко от той идиллии единения христиан в борьбе с неверными, которую рисуют западноевропейские исследователи. Возможно, поэтому данные факты не фигурируют в большинстве работ по истории первого крестового похода.

Во время пребывания Готфрида Бульонского во владениях брата в августе 1098 г. «почти все из наиважнейших людей армии и множество простых людей стекались к графу... Бодуэн принимал их всех и всех с честью отпускал, наградив столь щедро, что это удивляло даже тех, кто приходил именно с целью получить выгоду»²⁹. Источник щедрот Бодуэна Фландрского известен. Это те «сокровища и большие богатства, которые бывший правитель (Торос) скопил за многие годы»³⁰. Граф раздавал деньги столь щедро для того, чтобы привлечь к себе рыцарей из других ополчений и тем самым увеличить свои собственные силы. Это было необходимо уже потому, что их у Бодуэна было явно недостаточно. Именно поэтому ему пришлось пойти на союз с местными армянскими владетелями и после сдачи ему Тель Башира и Равендана, накануне ухода в Эдессу, передать их под контроль некоего препозита Фера, имевшего владения около Тель Башира, и князя Баграта.

Вскоре «христиане стали стекаться в город в таком количестве, что это стало раздражать жителей. Хотя они и оказывали гостепримство гостям, но эти гости стали причинять своим хозяевам неприятности из-за презрительного отношения к ним. Бодуэн же все меньше и меньше зависел от совета тех благородных горожан, благодаря расположению которых он завоевал этот великий город. Это вызвало сильное возмущение против него и его народа, и они раскаивались в том, что они позволили ему взять верх над ними. Казалось, нет ничего, что его бы удовлетворило. Они опасались, что он может лишить их всего, чем они владеют. Поэтому они вступили в заговор с несколькими соседними турецкими правителями и начали замышлять, как неожиданно убить Бодуэна как бы случайно или по крайней мере удалит его из города. Готовясь к этой попытке, они отправили свои сокровища и все свое состояние к друзьям в крепости и ближние города»³¹.

Заговор был раскрыт графу его «преданным и верным другом», несомненно, из числа заговорщиков. Последние были схвачены, а затем по приговору Бодуэна Фландрского организаторы заговора были ослеплены, участники — изгнаны из города, а их имущество конфисковано в пользу графа. Показательно, что в подавлении заговора Бодуэн опирался уже на «большое войско из своих собственных людей». Разгром заговора «совета благородных горожан» покончил с двоевластием в Эдессе. Лишь с этого времени можно говорить об образовании графства Эдесского, тогда как процесс его формирования растянулся по меньшей мере до конца 10-х гг. XII в. И тем не менее Бодуэну Фландрскому, пришедшему в город, имевший 50-тысячное население, с 80 рыцарями, даже с учетом того, что в дальнейшем количество франков (как называют их армянские и сирийские хронисты) в Эдессе увеличилось, не удалось бы удержаться в городе лишь посредством насилия. Нужны были поиски форм

сотрудничества с сенаторами Эдессы, армянской церковью, армянскими владельцами Приевфратья.

Уже в конце 1100 — начале 1101 г., потерпев поражение от войск Сукмана ибн Артука, второй граф Эдессы Бодуэн Буржский с тремя приближенными бежал в цитадель города. «Но будучи приглашен ишханами города появиться среди них, он восстановился на троне»³², т. е. граф удержался у власти лишь при поддержке городской верхушки, продолжавшей контролировать положение в Эдессе, даже если допустить, что совет 12 и прекратил существование после репрессий в ноябре 1098 г. В 1103 г. Бодуэн Буржский не только торжественно встретил в Эдессе армянского католикоса Барсега Анеци, но и «дал ему деревни, множество даров и выказал ему большое расположение»³³.

В 1104 г. после пленения графа при Харране «армяне, жители этого города (Эдессы.— В. С.), созвали собрание со всеми, кто явился с рыданиями по столь знаменитому князю, и передали Танкреду город свой»³⁴.

В 1108 г., получив ложное известие о гибели Бодуэна в сражении с Танкредом, горожане «созвали собрание в церкви св. Иоанна при папиосе (архиепископе.— В. С.) франкском ради достижения (соглашения), ибо опасались, что (опять) попадет город Урха к Танкреду и (тот) отдаст его в руки Ричарда, ибо этот в то время как владел городом, умножил гибельные деяния... И папиосу сказали: «(Пусть) вашему человеку и нашему будет поручено охранять цитадель города, пока нам тэр наш (не) станет известен»³⁵. После возвращения Бодуэна Буржского и его вассала графа Тель Башира Жослена де Куртене в Эдессу они узнали о решении собрания и «сочли эти речи весьма опасными... Они приказали разграбить дома множества лиц и лишили глаз людей, которые не были виновны ни в чем. Они наложили жестокие муки на христиан, ибо франки легко склоняли уши к клеветническим доносам и находили удовольствие в пролитии невинной крови»³⁶. Угрозе ослепления подвергся даже армянский архиепископ Эдессы Степане, за которого армянская община внесла в казну графа выкуп в 1000 тахеган.

Репрессии 1108 г. имели достаточно широкие масштабы, так как в решении собрания горожан Бодуэн усмотрел посягательства на свои prerogatives. И тем не менее в 1108 г., как, впрочем, и позже, графы Эдессы не контролировали города, удерживая под своей властью лишь цитадель. Уже это вынуждало их опираться на ишханов, даже если считать, что после событий 1098 г. и был ликвидирован совет 12, посредством которого они управляли городом.

В 1110 и 1112 гг. Эдесса дважды подвергалась осаде со стороны атабека Мосула Маудуда. Во время первого похода атабека распри между франкскими владельцами, собравшимися для оказания помощи Эдессе, привели к тому, что их войска

были спешно отведены на правобережье Евфрата. Население района Эдессы в панике бежало вслед за ними и на берегу реки было настигнуто войсками Маудуда. Маттэос Урхайеци описывает страшные сцены гибели мирного населения в водах Евфрата.

В апреле 1112 г. атабек совершил второй поход против Эдессы. Маттэос Урхайеци достаточно осторожно пишет о том, что «пять человек передали ему город Урху. Они ему передали башню, которая господствовала над городом с восточной стороны... Затем они захватили две другие башни, где они укрепились в большом количестве». Лишь появление Жослена де Куртене, который смог сбросить тюрков со стены, а также перебил предателей (как называет их хронист), спасло город. «Этот князь, с гневом в сердце и возбужденный клеветническими доносами, пролил много невинной крови жителей, приказав умертвить их или подверг их самым жестоким наказаниям. Эта несправедливая суровость была ненавистна в глазах господ»³⁷.

Этническая принадлежность и социальное положение заговорщиков у армянского хрониста настолько неопределенны, что размах репрессий против горожан остается немотивированным. И в 1108 г., и в данном случае их причиной, по мнению Маттэоса, являются клеветнические доносы. Много более определен сирийский Аноним 1234 г. Подробнейшее описание им заговора 1112 г. в Эдессе не оставляет сомнения в том, что в основе его лежат сведения если не очевидца событий, то по меньшей мере их современника.

Аноним сообщает, что, появившись у стен Эдессы, Маудуд «захватил хлеб на корню, вырубил сады и деревья, которые еще оставались (после осады весны 1110 г.— В. С.)...». «Он осадил город, что стало причиной больших бед, и боролся против него все лето... Бедствия в городе росли по мере нехватки (продовольствия) и дух их (горожан.— В. С.) ослабел, так как год из года они сажали и трудились, но не пожинали плоды. Маудуд делал им много обещаний, уговаривал их сдать город ему, за что они увидят много добра вместо того, чтобы терпеть столько бед. Народ Эдессы не отвечал на его мирные предложения. Но какие-то двенадцать армян вступили в тайный заговор с Маудудом, чтобы предать ему город». Атабек перенес лагерь западнее города, тогда как посланные им воины были подняты заговорщиками на стену с восточной стороны Эдессы. «Здесь была большая угловая башня, которую охранял хорошо известный горожанин по имени Курус... Все увидели тюрков на башне. Франки и главы (города) были в панике, когда они увидели, что в городе предательство, враг — вне его, стена полна тюрков. Каждый человек испугался за свой дом и детей». Положение спасло внезапное прибытие графа Жослена де Куртене, который смог обрубить осадные лестницы и сбросить тюрков со стены. «Заговор провалился, едва начавшись. Маудуд

ушел в свою землю. Франки судили заговорщиков, захватили много виновных и невинных, отрезали им руки и носы, ослепили. Многие умерли, другие были казнены»³⁸.

Показательно, что крепостные стены и башни города продолжали охранять его жители (тюрки изрубили горожан — защитников стен и башен). Заговорщики принадлежали к армянской общине города. Численность их (12), казалось бы, могла свидетельствовать о том, что заговор организован советом 12, но это не так. Число 12 (а его символика очевидна) используется хронистом неоднократно. Так, 12 армян, по сообщению Анонима, участвовали в неудачной попытке освобождения из плена в Харберде короля Иерусалима Бодуэна II в 1123 г.³⁹ К тому же наряду с франками хронист упоминает и глав города, для которых заговор явился полной неожиданностью. Репрессии, как и в 1108 г., охватили широкие слои рядовых горожан, но не ишханов.

В 1113 г. Маудуд вновь появился у границ графства Эдесского. Узнав об этом, находившийся в Тель Башире Бодуэн Буржский отправил в Эдессу графа Серуджа Пайена, так как ему донесли, что «некоторые жители сговорились, чтобы переделать город тюркам»⁴⁰. По приказу графа Пайен выселил в Самосату неблагонадежную, по его мнению, часть населения Эдессы. После рассказа Маттэоса Урхайеци у читателя создается впечатление о том, что город обезлюдел. Это мало вероятно, так как изгнать в кратчайший срок 50-тысячное население практически невозможно. Однако, судя по рассказу Маттэоса, изгнание было массовым и охватило, по-видимому, часть армянской общины города, в чьей благонадежности граф мог сомневаться после событий 1112 г. Армянский хронист сообщает, что 80 изгоняемых укрылись в церкви св. Тороса в цитадели под охраной солдат⁴¹. Но цитадель находилась под контролем франкского гарнизона. По-видимому, в данном случае речь идет об ишханах, сотрудничавших с Бодуэном. Так как Маудуд на этот раз не пошел на Эдессу, то вскоре по приказу графа всем выселенным было разрешено возвратиться.

О том, что городская верхушка Эдессы продолжала сотрудничать с графом, свидетельствует и надпись над воротами Бей Каписи, опубликованная в 1970 г. английским исследователем К. Довсеттом. Высеченная как официальная надпись написана по-армянски, датирована по армянской эре 571 г. (19.02.1122—18.02.1123). Ее текст гласит: «В дни благочестивого, превосходного и доблестного воина Христа, великого графа Жослена и в управление⁴² боголюбивого ишхана Васи́ла, временного заместителя в правлении этим великим городом Урха, эта крепость была завершена с великим тщанием и большим расходом, дабы господь мог также охранять ее строителей победоносно и непоколебимо и в свое (второе) пришествие мог увенчать их славой. Аминь!»⁴³.

Надпись высечена от имени ишхана Васи́ла, который, судя по контексту ее, оказался главой Эдессы, но не графства Эдесского во время пленения графа Жослена I (1119—1131). Последний, как известно, попал в плен к владельцу Харберда Артукиду Балаку ибн Бахраму в сентябре 1122 г. и получил свободу лишь в начале августа 1123 г.⁴⁴

Опасность новой осады Эдессы, на этот раз со стороны главы рода Артукидов Иль Гази, ранее захватившего Алеппо, была настолько велика, что потребовала спешных работ по укреплению стен города, о чем и сообщает надпись. И хотя она не дает информацию о совете 12, которого в Эдессе, по-видимому, не было, но подтверждает факт сотрудничества с крестоносцами городской верхушки Эдессы, ранее также сотрудничавшей с Великим Сельджукидом Мелик шахом, Укайлидом Муслимом ибн Курайшем, султаном Сирии Тутушем, под властью которых находился город⁴⁵.

Ишханы, несмотря на столкновения с крестоносцами и репрессии, сохранили власть в Эдессе, хотя им и пришлось поступиться частью ее в пользу графа. Тем не менее графы не могли править городом, не имея опоры в нем, и как бы ни был велик франкский гарнизон цитадели, он не мог обеспечить охрану городских стен. Поэтому они остались под охраной ишханов, опиравшихся на горожан, возможно, организованных в ополчение, существование которого надежно засвидетельствовано источниками для конца XI — начала XII в.

Репрессии 1108 г. свидетельствуют, что франки опасались и не желали самостоятельных действий горожан, видя в них угрозу сохранения своей власти над Эдессой. Заговор 1112 г. был довольно узок и немногочислен. Ишханы уже не принимали в нем участия. По-видимому, он не был организован не столько последовательными противниками франков (а они, несомненно, были), сколько недовольными их неспособностью организовать эффективную оборону Эдессы и ее области, где располагались хозяйства горожан. В этой связи показательно, что большинство заговоров и мятежей в Эдессе, начиная с 70-х гг. XI в., возникало против правителей именно во время осад города⁴⁶.

Едва ли не основной причиной переворота в марте 1098 г., приведшего к власти в Эдессе Бодуэна Фландрского, было крайне неустойчивое внешнеполитическое положение города, в котором ишханы обвиняли куропалата Тороса. Однако существовала и внутрисполитическая причина их недовольства — попытки Тороса ограничить власть ишханов в Эдессе. То, чего не удалось сделать куропалату, сделал его преемник с санкции совета 12 ишханов Бодуэн Фландрский. Раскрытие заговора в ноябре 1098 г. и репрессии против городской верхушки Эдессы положили начало процессу укрепления позиций графа именно за счет ликвидации совета 12. В этих условиях ишханы пошли

на союз с графом, ясно сознавая, что баланс сил окончательно изменился в его пользу.

Экономическая политика графов Эдессы нам практически неизвестна. Так что «поборы времен латинского господства» как причина недовольства армянского населения Эдессы крестоносцами, о которой писал Г. Дмитриев, остается гипотетичной. Репрессии сами по себе не могут являться поводом для этого недовольства, так как они чаще всего были именно следствием попыток горожан действовать помимо графа или же свергнуть его власть. Современники отмечают как явную причину недовольства именно неспособность крестоносцев организовать защиту Эдессы и ее района от турецких набегов.

Так, весной 1098 г., вскоре после прихода к власти Бодуэна Фландрского, Эдессу в течение 40 дней осаждал атабек Мосула Кербуга, в 1100 и 1104 гг. войска графа дважды терпели поражение от соседних сельджукских эмиров при Серудже и Харране, в 1105 г. атабек Мосула Джекермиш вновь осаждал город. В ходе осады погибло 450 горожан, по-видимому, входивших в состав ополчения. В 1106 г. городу угрожал султан Рума Килич Арслан I. В 1110 г. его осаждал атабек Мосула Маудуд, который уничтожил все сады вне стен и разрушил до основания пригородные монастыри. Осада Эдессы продолжалась 100 дней. В 1111 г. он вновь появился у стен города, а в 1112 г. осаждал его «во время сбора урожая», захватил хлеб на полях, вырубил сады и деревья, что вызвало голод в Эдессе⁴⁷.

Таким образом, отношение различных слоев горожан к крестоносцам было неоднозначно и вряд ли можно утверждать, что отношение горожан к ним было последовательно положительным или отрицательным. Известно, что в конце 1144 г., несмотря на упорное сопротивление жителей, Эдесса была захвачена атабеком Мосула Имад ад дином Зенги. Граф Жослен II, незадолго до этого выведший из цитадели гарнизон и поручивший управление городом католическому архиепископу Гуго II, оказался не в состоянии оказать Эдессе помощь. Все хронисты описывают разграбление города войсками атабека, отмечая, что оно было прекращено по приказу Зенги. После захвата им Эдессы армянская община, по-видимому, была вынуждена уступить в нем руководящую роль сирийской, возглавляемой митрополитом Василием Бар Шумной⁴⁸.

Весной 1146 г. сторонники франков организовали в Эдессе заговор с целью сдачи ее Жослену II. О нем сообщает лишь Камал ад дин. Зенги намеревался начать войну с франками, но был вынужден отказаться от этого, «узнав о существовании заговора в Эдессе. Армяне, жившие в городе, задумали заговор. Они должны были напасть на мусульман, которые находились там. Узнав об этих происках, атабек прибыл из Мосула в Эдессу и заговорщики заплатили жизнями за свои преступные замыслы. Тела их были затем распяты. Из Эдессы атабек пошел

на крепость Джабар и ...оставался там с 17 мая до 15 сентября, когда он был убит»⁴⁹.

Таким образом, репрессии в Эдессе имели место в первой половине мая 1146 г. и охватили лишь участников заговора. Показательно, что Зенги своевременно был осведомлен о нем. Таким образом, в городе были сторонники сохранения власти атабека Мосула. Тем не менее после гибели Зенги при Кала Джабар в ноябре 1146 г. Эдесса была сдана Жослену II. Михаил Сириец пишет, что граф вошел в город «благодаря соглашению с армянами, которые охраняли стены»⁵⁰. Но они делали это и при франках: и охраняли стены, и пытались сдать Эдессу мусульманским властителям.

Успех графа был эфемерен. Он смог удержать город только в течение шести дней. Известие о выступлении к Эдессе из Алеппо армии наследника Зенги Нур ад дина обратило Жослена II в бегство. Эдесса была взята штурмом 2 ноября и подвергнута тотальному грабежу. Погибло около 30 тыс. жителей, 16 тыс. было уведено в плен, около тысячи бежало в Самосату⁵¹. Город долгое время был необитаем. «Люди Харрана копались в церквях и домах нотаблей, чтобы найти сокровища»⁵².

В дальнейшем город возродился, но никогда не достигал былого уровня экономического развития, став одним из рядовых центров Месопотамии.

Таким образом, ни тезис о поддержке армянским населением Эдессы крестоносцев как единоверцев, ни мнение о резко антагонистическом характере отношений между ними не находят опоры в источниках. Действительность была много сложнее. Городская верхушка, ишханы Эдессы стремились использовать крестоносцев как наемников. Когда же сделать этого не удалось, ишханы согласились на раздел власти с их предводителем. Последующая борьба между советом 12 ишханов и графом завершилась в пользу последнего и, как следствие, ликвидацией совета 12. Репрессии со стороны графа ослабили городскую верхушку Эдессы. Но она сохранила прочные позиции в городе. По меньшей мере часть ее пошла впоследствии на сотрудничество с графом, сохранив в руках некоторые функции, например, оборону городских стен.

К сожалению, характеризуя социальную структуру Эдессы, мы вынуждены оперировать общими понятиями — «горожане», «городская верхушка» и пр., так как данных по социальной стратиграфии Эдессы практически нет. В то же время, на наш взгляд, на всем протяжении периода франкского господства в городе шла борьба по меньшей мере двух группировок в составе его верхушки — ишханов, одна из которых, возможно, связанная с внешней торговлей и заинтересованная в более тесных экономических и, как следствие, политических отношениях с соседними эмиратами, стремилась передать город под власть одного из них, что уже имело место и ранее. В то же время

существовала группировка, для которой большее значение имело землевладение в окрестностях города и его области (о наличии пригородных хозяйств горожан, разорение которых сельджуками приводило к голоду и росту социальной напряженности в Эдессе, пишут хронисты) и которая довольно быстро нашла общий язык с крестоносцами (надпись 1122/23). Обе они довольно умело манипулировали настроениями рядовых горожан, используя их недовольство в своих интересах.

- ¹ Dulaurier E. L'histoire des croisades d'après les chroniques arméniennes // Revue archéologique. XV. a. 1898. P. I. P. 225—226.
- ² Runciman S. Byzantine Provincial Peoples and Crusades // Relazioni X Congresso internazionale di science storiche. Biblioteca Sansoni. Firenze, s.a. T. 3. P. 624.
- ³ Grousset R. Histoire des croisades et du royaume franc de Jerusalem. P., 1934. T. 1. P. 49.
- ⁴ Ibid. P. 56.
- ⁵ Ibid. P. 388.
- ⁶ Runciman S. A. History of the crusades. Cambridge, 1951. Vol. 1. P. 202—203.
- ⁷ Ibidem.
- ⁸ См.: Laurent J. Des Grecs aux Croises. Etudes sur l'histoire d'Edesse entre 1071—1098 // Byzantion. 1924. N 1. P. 347—449; Idem. Les Croises et l'Arménie // Etudes d'histoire arménienne. Louvain, 1971. P. 127—141.
- ⁹ См.: Luders A. Die Kreuzzüge in Urteil Syrischer und Armenischer Quellen. В., 1964.
- ¹⁰ Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952. С. 92.
- ¹¹ Заборов М. А. Крестовые походы. М., 1965. С. 83. Примеч. 1.
- ¹² См.: Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М., 1983. С. 75.
- ¹³ Дмитриев Г. [Рецензия] // ИФЖ. 1966. № 3. С. 285. Рец. на кн.: Людерс А. Крестовые походы в оценке сирийских и армянских источников. Берлин, 1964.
- ¹⁴ Заборов М. А. К вопросу о значении известий восточных современников крестовых походов // ИФЖ. 1968. № 3. С. 158—159.
- ¹⁵ Дмитриев Г. [Рецензия] // ИФЖ. 1968. № 1. С. 260. Рец. на кн.: Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов. М., 1966.
- ¹⁶ Следует отметить, что о нем не сообщает современник, если не участие, событий Фульшерий Шартрский.
- ¹⁷ Урхайтец Маттэос. Хронография. Вагаршапат, 1898. С. 339.
- ¹⁸ Alberti Aquensis Historia Hierosolimitana // RHCoc. T. 4. Lib. 3. Cap. 19.
- ¹⁹ Ibid. Lib. 3. Cap. 21.
- ²⁰ Ibidem.
- ²¹ Willermi Tyrensis Historia rerum in partibus transmarinis gestarum // RHCoc. T. 1. Lib. 16. Cap. 20.
- ²² Alberti Aquensis Historia... Lib. 3. Cap. 20.
- ²³ См.: Willermi Tyrensis Historia... Lib. 4. Cap. 5—6.
- ²⁴ Об этом пишут Альберт Ахенский (Lib. 9. Cap. 22) и Маттэос Урхайтец (с. 260). Описывая Каркар, Аноним 1234 г. сообщает: «Армяне, которые правили там, были на службе у франков». См.: The First and the Second Crusades from an Anonimis Syriac Chronicle / Transl. by A. S. Tritton with notes by H. R. A. Gibb // JRAS. 1933. N 1. P. 78.
- ²⁵ См.: Grousset R. Histoire des croisades... T. 1. P. 46, 54; Runciman S. A History of the crusades. Vol. 1. P. 200.
- ²⁶ См.: Alberti Aquensis Historia... Lib. 3. Cap. 17—18.

- ²⁷ Willermi Tyrensis Historia... Lib. 7. Cap. 5.
- ²⁸ Ibid. Lib. 7. Cap. 6.
- ²⁹ Ibid. Lib. 7. Cap. 5.
- ³⁰ Ibid. Lib. 4. Cap. 5.
- ³¹ Ibid. Lib. 7. Cap. 5.
- ³² **Урхайеци Маттэос**. Хронография. С. 275.
- ³³ Там же. С. 294.
- ³⁴ Alberti Aquensis Historia... Lib. 19. Cap. 12.
- ³⁵ **Урхайеци Маттэос**. Хронография. С. 308.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 231.
- ³⁸ **Аноним**. Р. 83—84.
- ³⁹ См.: **Idem**. Р. 92.
- ⁴⁰ **Урхайеци Маттэос**. Хронография. С. 325—326.
- ⁴¹ См.: Там же. С. 326.
- ⁴² В тексте калька с греческого «эпистасия», что показательно для города, с 1031 г. входившего в состав Византии.
- ⁴³ **Dowsett C. J.** A twelfth century Armenian inscription an Edessa // In Memoriam Vladimir Minorsky. L., 1971. Надпись известна нам по публикации: **Segal J. B.** Edessa. «The Blessed». City. Oxford, 1970. P. 236. Not. 1.
- ⁴⁴ См.: **Урхайеци Маттэос**. Хронография. С. 352.
- ⁴⁵ См.: **Степаненко В. П.** Ишханы Эдессы и внешнеполитическая ориентация города в 70-е гг. XI—начала XII в. // ВВ. 1984. № 45. С. 87—94.
- ⁴⁶ См.: Там же.
- ⁴⁷ **Аноним**. Р. 83.
- ⁴⁸ См.: Michel de Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche (1166—1199) Chronique / Ed. et trad. par J.-M. Chabot. P., 1905. T. 3. P. 262.
- ⁴⁹ **Kamal ad din**. Chronique d'Alep // RHCori. T. 3. P. 687.
- ⁵⁰ **Syrien Michel de**. Chronique. P. 270.
- ⁵¹ Ibid. P. 272.
- ⁵² Ibidem.

*С. Н. МАЛАХОВ
Ленинградский университет*

ИОАНН КИННАМ И СОЦИАЛЬНЫЕ НИЗЫ ВИЗАНТИИ XII в.

Историческое сочинение Иоанна Киннама «Сокращенное изложение» зарекомендовало себя как достоверный источник по истории внутренней и внешней политики Византийской империи XII в., несмотря на открытую апологетику ее главного героя Мануила I Комнина (1123(?)—24.09.1180). Произведение Киннама дошло до нас в единственной рукописи (Cod. Vatic.gr. 163) XIII в. и ряде более поздних копий с этого списка¹. Византинистов «Сокращенное изложение» интересовало прежде всего как источник по международным отношениям и внутренней политике правительств Иоанна II и Мануила I Комнинов.

Идеологическая направленность сочинения Киннама, его социально-политические взгляды и мировоззрение историка в целом в контексте византийской культуры XII в. остаются далеко неясными. Не затрагивая в настоящей работе всей совокупности этих сложных проблем, обратимся к одному вопросу: восприя-